

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРУЮЩЕЙ СИЛЕ ОДНОСТОРОННИХ СДЕЛОК

О. М. Родионова

В статье рассматривается гражданско-правовая сущность и значение односторонних сделок. Мы пришли к выводу, что регулирующий эффект связан с тем, что условия односторонних сделок представляют собой частно-автономные положения, в соответствии с которыми возникают, а затем осуществляются именно субъективные гражданские права и обязанности. При их передаче совершается новая сделка, поскольку правообладатель (наследодатель) имеет право назвать то лицо, которое займет его место в правоотношении и после смерти наследодателя будет обладать его правами. Этот сделочный акт необходим для того, чтобы придать воле наследодателя юридическую силу несмотря на то, что реальный ее носитель по причине смерти перестал быть субъектом гражданского права.

Анализируя правовую природу принятия наследства, мы пришли к выводу, что оно представляет собой реализацию правосубъектности гражданина, а не вытекает только из смерти наследодателя или его завещания. При этом оно относится к односторонним сделкам, поскольку представляет собой акт правоспособного (реально существующего) лица, которое в момент принятия наследства выражает согласие с тем, чтобы стать субъектом правовых отношений, участником которых являлся умерший. Именно наследник – реальный носитель воли, поэтому его акт имеет самостоятельное юридическое значение. Функция такой односторонней сделки состоит в согласии наследника с автономно-частными положениями тех сделок, одной из сторон которых выступал наследодатель до своей смерти. Таким образом, принятие наследства – это не особое право, а односторонняя сделка наследника, в которой он выражает согласие на то, чтобы стать субъектом тех отношений, участником которых являлся наследодатель.

Ключевые слова: односторонняя сделка, организационные отношения, секундарное право, завещание, завещательный отказ, наследство, принятие наследства.

ON THE REGULATORY POWER OF UNILATERAL TRANSACTIONS

O. M. Rodionova

The article deals with civil and legal nature and significance of unilateral transactions. The author points out that the Russian legal science often regards necessity – of unilateral transactions as a special element of the mechanism of civil regulation. Some scientists see its special role by right of the fact they generate not only subjective civil rights and obligations, but also mediate specific legal education that are called differently “powers”, “secondary powers”, “transformative powers”, “entitlement to legal research of the situation”. The author expresses doubts about loyalty of these statements.

The article analyzes the positions of various researchers of the problem and indicates their conformity between civilized reality and theory. Criticism of the theory of dynamic capacity theory of organizational and legal relations, created by M. M. Agarkov, advanced by O. A. Krasavchikova theory of so-called «secondary rights», that emerged in Germany in the late XIX century and was supported by several modern Russian jurists.

The article uses activity-dogmatic approach to analyze the problem. On its basis, the author comes to the conclusion that the regulatory effect of transactions – is related to the fact that in terms of unilateral transactions are private and self-contained provisions.

Value of this conclusion is illustrated by the example of the resolution of disputes about

the legal nature of the will, a legacy, accepting the inheritance, because these acts are usually analyzed by the scientists who insist on the special role of unilateral transactions.

Keywords: one-sided deal, “organizational relations”, “secondary law” will, bequest, inheritance acceptance.

Значение односторонних сделок для гражданско-правового регулирования

Односторонние сделки, по справедливому замечанию С. С. Алексеева, являются необходимым и притом специфическим элементом механизма гражданско-правового регулирования¹. Их особая роль заключается в том, что они порождают не только субъективные гражданские права и обязанности как двусторонние сделки, но и опосредуют особые правовые образования, которые различные ученые называют правомочиями, секундарными правомочиями, преобразовательными правомочиями, правомочиями на изыскание юридического положения². Последние характеризуют правовые возможности лица на начальной стадии развития субъективного права и появляются в силу совершения лицом односторонне-управомочивающих сделок. Регулирующая роль этих сделок, как отмечает С. С. Алексеев, не является существенной, поскольку они не могут возлагать какие-либо юридические обязательства на других лиц. Следовательно, в ходе совершения односторонне-управомочивающих сделок субъекты гражданского права могут устанавливая особые гражданские права, в чем и проявляется их регулирующая функция. Выясним, соответствует ли это действительности.

Прежде чем приступить к анализу специфики регулирующего воздействия односторонних сделок, заметим, что в рамках деятельностно-догматического подхода к механизму гражданско-правового регулирования³, регулирующее значение как односторонних, так

и других сделок, может быть связано только с тем, что субъектами гражданского права в них закреплены частно-автономные положения. Поэтому, говоря о регулирующей роли односторонних сделок, следует иметь в виду, что она проявляется не в возникновении, осуществлении, прекращении неких гражданско-правовых возможностей, имеющих отличия от гражданских прав и обязанностей, а в установлениях об этих правовых образованиях.

Также отметим, что в односторонне-сделочных положениях должно определяться, в первую очередь, содержание гражданских прав и обязанностей. Однако регулятивное значение таких сделочных условий подразумевает, кроме этого, наличие в них установлений о юридических фактах, направленных на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей.

Разумеется, специфика односторонне-сделочных установлений самым тесным образом связана с правовой сущностью определенных в них возможностей. Поэтому мы считаем целесообразным подвергнуть ее исследованию в первую очередь.

Правовая природа образований, основанием которых выступают односторонние сделки

В цивилистической науке было предпринято несколько попыток определения гражданско-правовой сущности образований, основанием которых выступают односторонние сделки.

Советский цивилист М. М. Агарков выдвинул предположение о том,

¹ Алексеев, С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования / С. С. Алексеев // Антология уральской цивилистики : 1925–1989 : Сборник статей. – Москва, 2001. – С. 68.

² См.: Алексеев, С. С. Указ соч., с. 64; Российское гражданское право : в 2 т. / Отв. ред. Е. А. Суханов. – Москва, 2010. – Т. 1. – С. 349.

³ Родионова, О. М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права / О. М. Родионова. – Москва, 2013. – С. 3–50.

что возможности односторонних сделок определяются понятием динамической правоспособности. Он отмечал: «Право совершать договоры, завещание и всякого рода иные сделки лично или в подлежащих случаях через представителей, если соответствующая сделка может быть совершена через представителя, есть не что иное, как проявление гражданской правоспособности, которая является предпосылкой для тех гражданских правоотношений (субъективных прав и соответствующих им обязанностей), субъектом которых является лицо, обладающее правоспособностью»⁴. При этом ученый считал, что «гражданская правоспособность для каждого данного лица в каждый определенный момент означает возможность иметь определенные конкретные права и обязанности в зависимости от его взаимоотношений с другими лицами»⁵.

Позиция М. М. Агаркова подверглась критике, однако были высказаны некоторые доводы в ее поддержку. Например, С. В. Третьяков отметил, что изменение собственной правовой сферы является общим правилом для частноправовой модели регулирования и поэтому составляет элемент правоспособности⁶.

Основной недостаток понимания последней в динамическом аспекте сводится к вольному или невольному смешению понятий *возможность* и *способность*. Между ними, согласно справедливому замечанию А. Б. Бабаева, «существует тонкое, но вполне осязуемое различие»⁷. Способность – это условие осуществления определенного рода деятельности (в сфере гражданского права – обладания гражданскими правами и несения гражданских обя-

занностей). Именно поэтому включение возможности в состав правоспособности представляется нам нелогичным. Однако очевидно, что правовая сфера субъекта гражданского права в целом, включающая в себя в том числе правоспособность, не является статичным явлением.

Другим советским ученым О. А. Красавчиковым было предложено считать, что из ряда односторонних сделок возникают организационно-правовые отношения, которые «как бы обслуживают иные гражданские правоотношения»⁸. Автор выделил 4 группы гражданско-правовых отношений, которые, по его мнению, должны входить в сферу регулирования предмета гражданского права: 1) предпосылочные, служащие завязке или развитию имущественных отношений (например, специальные договоры авиатранспортных предприятий, навигационные договоры и т. д.); 2) делегирующие, наделяющие полномочиями одних лиц для совершения определенных действий от имени других (например, выдача и отзывание доверенности, избрание руководителя или делегата для участия в работе высшего органа системы кооперативной или общественной организации); 3) контрольные, позволяющие одному субъекту гражданско-правового отношения контролировать другого (например, контроль заказчика, авторский надзор проектных организаций и т. д.); 4) информационные, в силу которых стороны обязаны обмениваться определенной информацией (например, обязанность продавца предупредить покупателя о правах третьих лиц на проданное имущество и т. д.)⁹. Этот подход развивается также современными исследователями.¹⁰

⁴ Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков // Учен. труды ВЮОН. – Москва. – Вып. 3. – С. 70.

⁵ Там же, с. 71.

⁶ Третьяков, С. В. Указ. соч. / С. В. Третьяков. – СПС «Консультант Плюс».

⁷ Бабаев, А. Б. Указ. соч., с. 769.

⁸⁻⁹ См.: Красавчиков, О. А. Гражданские организационно-правовые отношения / О. А. Красавчиков // Антология уральской цивилистики : 1925–1989 : Сборник статей. – Москва, 2001. – С. 164.

¹⁰ См.: Кирсанов, К. А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / К. А. Кирсанов. – Екатеринбург, 2008. – С. 8; Егорова, М. А. Критерии систематизации организационных отношений в современном гражданском обороте / М. А. Егорова // Гражданское право. – 2013. – № 3. – С. 6–9; Егорова, М. А. Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании / М. А. Егорова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 5. – С. 10–21.

Позиция О. А. Красавчикова, по нашему мнению, имеет некоторые недостатки, поскольку определение рассматриваемых возможностей в качестве субъективных гражданских прав в рамках единых организационных правоотношений вызывает определенные трудности. Из данной ученым классификации очевидно, что явления объединены по функциональному признаку (способствованию правовой деятельности), но неоднородны по своей правовой сущности. Именно поэтому данная позиция не может способствовать объяснению правовых образований, возникающих из односторонних сделок.

Аналогичный вывод можно сделать о теории вторичных прав, зародившейся в немецкой цивилистике, где широко распространено представление о способности сделок порождать особые права – *Gestaltungsrechte*¹¹. Эту концепцию выдвинули Э. Цительман и Э. Зеккель (XIX в.)¹². К ней присоединились некоторые советские¹³, а теперь и современные¹⁴ исследователи. Особенность этих прав заключается в том, что им противопоставлена не обязанность, а связанность другого лица с действиями управомоченного субъекта¹⁵.

В современной немецкой литературе высказывается мнение о том, что вторичное право представляет собой компетенцию создавать права и обязанности. Как отмечает С. В. Третьяков, опираясь на две ключевые идеи нормативизма – теорию иерархии норм права (от основной нормы компетенция создавать правила поведения делегируется на более низкие уровни правотворчества вплоть

до уровня сделки) и теорию индивидуальной нормы (позволившей трактовать индивидуальный акт, в том числе сделку, в качестве нормы права), – теоретик К. Адомайт квалифицировал в качестве вторичного права автономию воли, обозначив ее как делегированную субъекту возможность создавать правила поведения (в частности, путем совершения сделок). С точки зрения такой логики, не имеет значения, создаются новые правила поведения односторонним волеизъявлением управомоченного субъекта или с помощью двусторонней сделки¹⁶.

Мы считаем, что сторонники теории вторичных прав пришли к наиболее верным выводам в определении возможностей из односторонних сделок. По крайней мере, они достаточно точно обозначили их признаки: возникновение из односторонних сделок, отсутствие корреспондирующих им обязанностей, передаваемости, защиты¹⁷. Однако эти ученые сделали спорные выводы о сущности возможностей, поскольку подвергают анализу принципиально различные явления. Это видно уже из их классификаций. Например, А. Г. Певзнер разделил вторичные права на: а) являющиеся предпосылками правоотношения и б) входящие в уже существующие правоотношения¹⁸. Возможность такой классификации свидетельствует о том, что с точки зрения цивилистической догматики у анализируемых возможностей отсутствует единая гражданско-правовая природа.

Это объясняется тем, что одна часть из них может быть квалифицирована

¹¹ См.: Агарков, М. М. Указ. соч., с. 68; Medicus, D. Allgemeiner Teil des BGB Großes Lehrbuch. Heidelberg, München. 2006, p. 39.

¹² См.: Третьяков, С. В. Формирование концепции вторичных прав в германской цивилистической доктрине (К публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Вторичные права в гражданском праве») / С. В. Третьяков // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. / СПС «Консультант Плюс»; Зеккель, Э. Вторичные права в гражданском праве / СПС «Консультант Плюс».

¹³ См. обзор литературы: Бабаев, А. Б. Вторичные права / А. Б. Бабаев; под ред. В. А. Белова / Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики. – Москва, 2008. – С. 760–767.

¹⁴ См.: Бабаев, А. Б. Указ. соч., с. 760; Денисевич, Е. М. Односторонние сделки в гражданском праве Российской Федерации : понятие, виды и значение : дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / Е. М. Денисевич. – Екатеринбург, 2004. – С. 42–49 и далее.

¹⁵ См.: Бабаев, А. Б. Указ. соч., с. 760.

¹⁶ См.: Третьяков, С. В. Указ. соч. / СПС «Консультант Плюс».

¹⁷ См.: Третьяков, С. В. Указ. соч. / СПС «Консультант Плюс».

как уточненные гражданско-правовые правомочия субъективного гражданского права, а другая – как действия по осуществлению этих прав.

Регулирующее значение односторонних сделок определяется не тем, что они порождают особые правовые образования, а содержанием частно-автономных положений. Значимость одностороннего определения будущего гражданского правоотношения возрастает, если согласование его положений невозможно в силу законных или фактических обстоятельств (завещание и завещательный отказ, принятие наследства, публичное обещание награды, договор присоединения и т. д.).

Особенности односторонних сделок на примере наследственных сделок

1. Завещание и завещательный отказ.

Продemonстрируем вышесказанное на примере завещательных сделок. Совершая завещание, наследодатель, будучи субъектом различных видов гражданско-правовых имущественных отношений, не устанавливает для своего наследника права и/или обязанности, поскольку они уже существуют. Об этом свидетельствует абз. 1 ст. 1112 ГК РФ: «В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности». Завещатель-наследодатель только определяет лицо, которое будет субъектом указанных отношений после его смерти. Заметим, что именно так первоначально понималось наследование в римском праве¹⁹, где объектом правопреемства была роль домовладыки: «Пусть заступит на место того, кто ушел из жизни», – писал Цицерон²⁰.

Несмотря на то что гражданские права и обязанности, передаваемые по

наследству в определяемом завещанием порядке, уже существуют, при их передаче совершается новая сделка, поскольку наследодатель имеет право самостоятельно назвать лицо, которое займет его место в правоотношении, то есть после смерти наследодателя будет обладать его правами. Этот сделочный акт необходим для того, чтобы придать воле наследодателя юридическую силу, несмотря на то что реальный ее носитель по причине смерти перестанет быть субъектом гражданского права, что оговаривается в ст. 18 ГК РФ.

Таким образом, необходимо признать правильность установленного в п. 5 ст. 1118 ГК РФ определения завещания как односторонней сделки, которая создает гражданские права и обязанности после открытия наследства, поскольку последнее является основанием для их возникновения.

Понимая завещание как акт, определяющий лицо, которое может стать субъектом различных отношений после смерти завещателя, не следует делать вывод о возможности наследования правового статуса. В арбитражной практике, согласно замечаниям исследователей, уже вставал вопрос о наследовании статуса индивидуального предпринимателя, однако суды исходят из того, что он не может переходить от умершего к другому лицу в порядке правопреемства и прекращается со смертью гражданина. В случае перехода имущества умершего к наследникам (физическим лицам) процессуальное правопреемство наряду с материальным невозможно в связи с выбытием из процесса гражданина-предпринимателя²¹.

Несколько сложнее обстоит дело с пониманием завещательных отказа (ст. 1137 ГК РФ) и возложения (ст. 1139 ГК РФ). Завещатель вправе требовать от одного или нескольких наследников исполнения

¹⁹ Дождев, Д. В. Римское частное право / Д. В. Дождев. – Москва, 2008. – С. 640.

²⁰ Цит. по.: Гарсиа Гарридо, М. Х. Римское частное право : казусы, иски, институты / М. Х. Гарсиа Гарридо ; отв. ред. Л. Л. Кофанов ; пер. с исп. – Москва, 2005. – С. 640.

²¹ См.: Постановление ФАС ВВО от 11.04.2005 № А79-9953/2004-СК1-9882. ; Практика применения Гражданского кодекса РФ, части первой / Под. ред. В. А. Белова. – Москва, 2010. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

какой-либо обязанности имущественного (а в случае возложения – и неимущественного) характера. Отметим точность законодателя при обозначении предмета завещательного отказа. В п. 2 ст. 1137 ГК РФ перечислены действия по исполнению обязанностей теми лицами, которые определяются завещателем: передача отказополучателю в собственность, владение на другом вещном праве или пользование вещью, входящей в состав наследства, а также передача отказополучателю входящего в состав наследства имущественного права, приобретение и передача ему другого имущества, выполнение для него определенной работы или оказание услуги, осуществление в пользу отказополучателя периодических платежей и т. д.

Трудность заключается в том, что приведенные выше субъективные гражданские обязанности могут не существовать в момент совершения завещательного отказа. Однако это обстоятельство не вносит изменений в понимание завещательных сделок, поскольку завещатель совершает сделку под отлагательным условием, в качестве которого выступает его собственная смерть, то есть называет юридический факт, с которым непосредственно связано возникновение гражданских прав и обязанностей. В данном случае отличие от обычного завещания заключается только в том, что наследодатель определяет субъекта отношений, которые возникнут после его смерти.

Осуществление субъективных гражданских прав и обязанностей не исключает совершения таких односторонних сделок как завещание и завещательный отказ, чтобы после смерти наследодателя его воля имела юридическую силу. Совершением завещания передаются существующие гражданские права и обязанности, а завещательным отказом те, которые возникнут в будущем.

2. *Принятие наследства.*

Почти аналогичная ситуация возникает при правовой квалификации приня-

тия наследства, однако по этой проблеме высказывают и другие точки зрения.

Так, Ю. К. Толстой считает, что принятие наследства – это своеобразное право, которое по своей природе «<...> относится к числу так называемых *Gestaltungsrecht*, то есть прав, содержание которых сводится к образованию другого права (права на правообразование), что в какой-то мере сближает его с элементами правоспособности»²². При этом ученый отрицает недостаток данной концепции, состоящий в отсутствии обязанностей, корреспондирующих праву на принятие наследства. Он считает, что «этому праву противостоит, с одной стороны, обязанность всякого и каждого не препятствовать наследнику в свободном осуществлении его права, а с другой – обязанность соответствующих лиц и органов оказать наследнику необходимое содействие в осуществлении этого права»²³.

Отметим, что органы исполнительной власти не могут вступать в наследственные отношения с физическим лицом (за исключением случаев выморочного наследства) и, следовательно, их обязанности не носят такой характер. Обязанность граждан не препятствовать принятию наследства не может корреспондировать «праву» на получение наследства, поскольку нет отношений, к которым можно было бы применить подобную конструкцию, а также его основного субъекта – наследника, а действует лицо, призываемое к наследованию.

Возражение о том, что принятие наследства является правом, поскольку следует не из правоспособности, а другого юридического факта (смерти) и, значит, может возникнуть не у любого лица, следовательно, не может быть принято, поскольку имеет другое объяснение.

Юридический состав наследования по завещанию предполагает строгую последовательность совершения юри-

²² Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – Ч. 3. – С. 524.

²³ Там же, с. 513.

дических действий и наступления событий, что, согласно справедливому замечанию О. А. Красавчикова, имеет значение для наступления юридических последствий в определенных случаях²⁴. Именно в требовании закона о строгой последовательности в наступлении юридических фактов (процедуре наследования по завещанию) и состоит объяснение того, что принятие наследства следует исключительно после совершения завещания и смерти наследодателя.

В пользу того, что принятие наследства является правом, не свидетельствует также возможность его восстановления (например, при условии неизвестности для наследника открытия наследства). В этом случае восстанавливается не право его принятия, а срок; наследство же, при наличии соответствующих закону обстоятельствах, считается принятым. Согласно п. 2 ст. 1155 ГК РФ, по заявлению наследника, пропустившего установленный для принятия наследства срок, суд может его восстановить и признать наследника принявшим наследство, если последний не знал и не должен был знать об открытии наследства или пропустил этот срок по другим уважительным причинам и при условии, что наследник обратился в суд в течение шести месяцев с момента прекращения действия причин пропуска этого срока.

Принятие наследства представляет собой реализацию именно правосубъектности гражданина, а не вытекает

только из смерти наследодателя или его завещания. При этом оно относится, согласно справедливому мнению многих исследователей²⁵, к односторонним сделкам. Такая квалификация возможна благодаря тому, что это акт правоспособного (реально существующего) лица, которое в момент принятия наследства выражает согласие с тем, чтобы стать субъектом квалифицируемых в качестве правовых отношений, участником которых являлся умерший. Именно наследник – реальный носитель воли, последнего поэтому его акт имеет самостоятельное юридическое значение и относится к односторонним сделкам. Функция сделки по принятию наследства состоит в согласии наследника с автономно-частными положениями тех сделок, стороной которых выступал наследодатель до своей смерти.

Таким образом, принятие наследства – это не особое право, а односторонняя сделка наследника, в которой он выражает согласие на то, чтобы стать субъектом отношений, участником которых являлся наследодатель.

Кроме этого, следует отметить, что качество гражданско-правовых средств определяется не особыми возможностями, которые якобы влекут такие сделки, а тем, что субъекты гражданского права реализуют свои способности, проявляя волю и формируя правовые частно-автономные положения о правилах своей будущей совместной деятельности в гражданском обороте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Medicus, D.** Allgemeiner Teil des BGB Großes Lehrbuch / D. Medicus. – München : Heidelberg, – 2006. – 518 с.
2. **Агарков, М. М.** Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков // Ученые труды ВИЮН. – Москва : Юридич. изд-во НКЮ СССР, 1940. – Вып. 3. – 192 с.
3. **Алексеев, С. С.** Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования / С. С. Алексеев // Антология уральской цивилистики, 1925–1989 : сборник статей. – Москва : Статут, 2001. – С. 54–68.

²⁴ **Красавчиков, О. А.** Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков. – Москва, 1958. – С. 62.

²⁵ Гражданское право / Под ред. Е. А. Суханова. – С. 676 ; **Зайцева, Т. И.** Наследственное право в нотариальной практике : комментарии (ГК РФ, ч. 3, разд. V) : практич. пособие / Т. И. Зайцева, П. В. Крашенников. – М., 2005. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант» ; **Гришаев, С. П.** Наследственное право / С. П. Гришаев, 2005. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант»

4. Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В. А. Белова. – Москва : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.
5. **Гарсиа Гарридо, М. Х.** Римское частное право : казусы, иски, институты / М. Х. Гарсиа Гарридо ; пер. с исп. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. – Москва : Статут, 2005. – 812 с.
6. Гражданское право / Е. Ю. Валявина [и др.] ; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – Москва : Проспект, 1999. – 592 с.
7. **Гришаев, С. П.** Наследственное право / С. П. Гришаев. – Москва : Юристъ, 2005. – 184 с.
8. **Денисевич, Е. М.** Односторонние сделки в гражданском праве Российской Федерации : понятие, виды и значение : дис. на соиск. науч. степ. канд. юрид. наук / Е. М. Денисевич. – Екатеринбург, 2004. – 173 с.
9. **Дождев, Д. В.** Римское частное право / Д. В. Дождев. – Москва : Норма, 2008. – 784 с.
10. **Егорова, М. А.** Критерии систематизации организационных отношений в со-временном гражданском обороте / М. А. Егорова // Гражданское право. – 2013. – № 3. – С. 6–9.
11. **Егорова, М. А.** Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании / М. А. Егорова // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2011. – № 5. – С. 10–21.
12. **Зайцева, Т. И.** Наследственное право в нотариальной практике : комментарии / Т. И. Зайцева, П. В. Крашенинников. – Москва, 2005. – 184 с.
13. **Зеккель, Э.** Секундарные права в гражданском праве / Э. Зеккель. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
14. **Кирсанов, К. А.** Гражданско-правовое регулирование организационных отношений : автореф. дис. на соиск. науч. степ. канд. юрид. наук / К. А. Кирсанов. – Екатеринбург, 2008. – 27 с.
15. **Красавчиков, О. А.** Гражданские организационно-правовые отношения / О. А. Красавчиков // Антология уральской цивилистики : 1925–1989 : сборник статей. – Москва : Статут, 2001. – С. 156–165.
16. **Красавчиков, О. А.** Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков. – Москва : Госюриздат, 1958. – 183 с.
17. **Певзнер, А. Г.** Понятие и виды субъективных гражданских прав / А. Г. Певзнер. – Москва, 1961. – 242 с.
18. Практика применения Гражданского кодекса РФ, части первой / Под. общ. ред. В. А. Белова. – Москва, 2010.
19. **Родионова, О. М.** Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права / О. М. Родионова. – Москва, 2013. – 336 с.
20. Российское гражданское право : в 2 т. / Отв. ред. Е. А. Суханов. – Москва, 2010. – Т. 1. – 958 с.
21. **Третьяков, С. В.** Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине / С. В. Третьяков // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

Поступила 07.03.2014 г.

Об авторе:

Родионова Ольга Михайловна, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат социологических наук, omrodionova@rambler.ru

Для цитирования: Родионова, О. М. К вопросу о регулирующей силе односторонних сделок / О. М. Родионова. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 73–81. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.073

REFERENCES

1. Medicus D. Allgemeiner Teil des BGB Großes Lehrbuch. München, Heidelberg Publ., 2006. 518 p.
2. Agarkov M. M. Objazatel'stvo po sovetскому grazhdanskomu pravu // Uchenye trudy VIJuN [Commitment to the Soviet civil law. Scientific works of VIYUN], vol. 3, Moscow, NKJU USSR Legal Publ., 1940, 192 p.
3. Alekseev S. S. Odnostoronnie sdelki v mehanizme grazhdansko-pravovogo regulirovanija // Antologija ural'skoj civilistiki, 1925 - 1989. Sbornik statej [Unilateral transactions in the mechanism of civil regulation // Ural civilistics anthology 1925 – 1989. Collection of articles]. Moscow, Statute Publ., 2001, pp. 54–68.

4. Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki [Civil law: current problems of theory and practice], ed. by Belov V. A. Moscow, Yurait Publ., 2007, 993 p.

5. Garcia Garrido M. H. Rimskoe chastnoe pravo: kazusy, iski, instituty [Roman private law: incidents, claims, institutes]. Translated from Spanish, ed. by Kofanov L. L. Moscow, Statute Publ., 2005, 812 p.

6. Valyavina E. J., Egorov N. D., Eliseev I. V., Ivanov A. A. et al. Grazhdanskoe pravo [Civil Law], ed. by Sergeev A. P., Tolstoy J. K. Moscow, Prospect Publ., 1999, 592 p.

7. Grishaev S. P. Nasledstvennoe pravo [Inheritance law]. 2005. Access from Legal System Consultant.

8. Denisevich E. M. Odnostoronnie sdelki v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii: ponjatie, vidy i znachenie [Unilateral transactions in civil law of the Russian Federation: concept, types and importance. Cand. Jur. Sci. Diss.]. Yekaterinburg, 2004, 173 p.

9. Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo [Roman private law]. Moscow, Norma Publ., 2008, 784 p.

10. Egorova M. A. Kriterii sistematizacii organizacionnyh otnoshenij v so-vremennom grazhdanskom oborote [Criteria for systematization of organizational relations in the modern civil transactions]. *Grazhdanskoe pravo* – Civil Law. 2013, no. 3, pp. 6–9.

11. Egorova M. A. Organizacionnoe otnoshenie i organizacionnye sdelki v grazhdansko-pravovom regulirovanii [Organizational attitudes and organizational transactions in civil-law regulation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: experience, analysis and practice. 2011, no. 5, pp. 10–21.

12. Zaitseva T. I., Krashennnikov P. V. Nasledstvennoe pravo v notarial'noj praktike: kommentarii (GK RF, ch. 3, razd. V): metod. rekomendacii, obrazy dok., normativ. akty, sudeb. praktika: prakt. posobie [Inheritance law in notarial practice: comments (Civil Code, Part 3, Sec. V): methodical recommendations, documents, normative acts, courts: practical guide]. Access from Legal System Consultant.

13. Zekkel E. Sekundarnye prava v grazhdanskom prave [Secondary rights in civil law]. Access from Legal System Consultant.

14. Kirsanov K. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie organizacionnyh otnoshenij. Avtoref. dis. ... k.ju.n. [Civil-law regulation of institutional relations. Author's abstract of Cand. Jur. Sci. Diss.]. Yekaterinburg, 2008, 27 p.

15. Krasavchikov O. A. Grazhdanskije organizacionno-pravovye otnoshenija // Antologija ural'skoj civilistiki: 1925–1989: Sbornik statej [Civil legal-organizational relations // Anthology of Ural civilistics. 1925–1989: Collection of articles]. Moscow, Statute Publ., 2001, pp. 156–165.

16. Krasavchikov O. A. Juridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave [Legal facts in the Soviet civil law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1958, 183 p.

17. Pevzner A. G. Ponjatie i vidy sub'ektivnyh grazhdanskih prav. Dis. ... k.ju.n. [Concept and types of subjective civil rights. Cand. Jur. Sci. Dis.]. Moscow, 1961, 242 p.

18. Praktika primenenija Grazhdanskogo kodeksa RF, chasti pervoj [Practical Application of the Civil Code, part 1], ed. by Belov V. A. Moscow, 2010. Access from Legal System Garant.

19. Rodionova O. M. Mehanizm grazhdansko-pravovogo regulirovanija v kontekste sovremenogo chastnogo prava [Mechanism of civil regulation in the context of modern private law]. Moscow, 2013, 336 p.

20. Rossijskoe grazhdanskoe pravo [Russian civil law], ed. by Sukhanov E. A., in 2 volumes, vol. 1. Moscow, 2010, 958 p.

21. Tretyakov S. V. Formirovanie koncepcii sekundarnyh prav v germanskoj civilisticheskoj doktrine (K publikacii russkogo perevoda raboty Je. Zekkelja “Sekundarnye prava v grazhdanskom prave”) [Formation of secondary rights concept in the German civil doctrine (for publication of the Russian translation of Zekkel E. “Secondary rights in civil law”)]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Bulletin of civil law. 2007, no. 2. Access from Legal System Consultant.

About the author:

Rodionova Ol'ga Mihajlovna, Associate professor of Civil Law and Procedure chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Science (PhD) degree holder in Sociology, omrodionova@rambler.ru

For citation: Rodionova O. M. K voprosu o regulirujushhej sile odnostoronnih sdelok [On the regulatory power of unilateral transactions]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 73–81. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.073